

чувствуется «дуновение настоящей трагической жизни» (295), где вскрывается предательство одного из бывших героев гражданской войны и дается анализ его переживаний накануне расстрела, не искупает всех отмеченных недостатков. Взятое в отдельности как эпизод, который можно было бы положить в основу небольшого, но интересного рассказа, оно представляло бы большую художественную ценность, чем весь роман, взятый в целом.

В. Глебов

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ. — *Алый смерч*. Роман. Зиф, 1929 г., тир. 5 000 экз., стр. 254, цена 2 руб.

Прежде всего маленькая справка: «Алый смерч» имеет далеко не юный возраст — впервые он появился в 1919 году в одной из тифлиских газет, затем недавно был издан «Московским рабочим», и вот теперь благодаря Зифу мы имеем 3-е издание. Славный путь (3 издания) несомненно требует оправдания. Но внимательно и добросовестно прочитав роман от начала до конца, мы едва ли найдем оправдание такой «популярности»... В своем романе С. Городецкий темой взял разложение царской армии на Кавказском фронте накануне Февраля и приход революции. Но если Городецкому относительно удалось показать распад, разложение царской армии, показать, во что выродились ее командные верхи, показать гниль и грязь «веселящегося» тыла, — то изобразить революционную работу в армии, нарастание революционного подъема в массах и, наконец, революционный смерч автору не удалось совершенно...

«Алый смерч» изображает революцию... Но в книге этого смерча мы не видим, не чувствуем, хотя автор упорно говорит нам об этом все последние страницы... Автор констатирует: пришла революция, следовательно, пришел алый смерч, но как он нарождался, народился и как, наконец, разразился, — художественно показать этот смерч автор не смог... Приплетенная сюда неуклюжая символика со смерчем на озере абсолютно ничему не помогает.

Беспомощно наивны описания революционеров...

Вообще обрисовка действующих лиц Городецкому совсем не удалась. Достаточно взглянуть на главного героя романа — Ослабова, долженствующего, по мысли автора, изобразить интеллигента, стоящего на перепутьи, чтобы увидеть, что автор не умеет мало-мальски сносно обрисовывать типы. Ходульность, бесцельность, штамп — вот основные приемы автора при обрисовке действующих лиц... Ни Цивес, ни Древкин, ни Батунов, а

тем более Зоя — художественно не показаны. Все это говорит за то, что Городецкий надуманно подошел к теме, — отсюда та ходульность и та внутренняя недоказательность, которые характеризуют вещь; она не органична, она художественно не убедительна, она символическа в плохом смысле... В отношении языка дело обстоит тоже далеко не благополучно, а иногда и прямо катастрофично. Прежде всего следует отметить излишнюю многоречивость автора, отсутствие чутья к слову, а порой крайнюю небрежность и безграмотность.

«Доктор Ослабов и сам чувствовал себя не по себе на этой улице. Он не на нее ехал. Он ехал на фронт» (стр. 26).

«Он был в центре ночи. Непроглядной перидской ночи» (стр. 170).

«Выждав, пока прошла вспышка и даже как-то подпольно насладившись ей, и т. д. (стр. 18).

Иногда штамп и банальность: «Великолепнейшая, открытая машина», «очень изящный френч», «бархатная ночь», иногда просто неудачные образы: «было уже светло: яркожелтой, длинной рукой лучей солнце отдирало тучи от земли по линии горизонта... (стр. 198).

И еще очень много ляпсусов. В течение 10 лет автор мог бы исправить все эти ляпсусы — на это срок был более чем достаточный, но он этого не сделал.

Но есть у автора и свои плюсы, хотя и немногочисленные, — умение живо и довольно занимательно повествовать, заинтересовать читателя. Однако немногие достоинства не искупают отрицательных сторон вещи.

В заключение можно сделать вывод: при необходимости экономить бумагу зифовское издание «Алого смерча» является безусловно издательской ошибкой.

Ю. А. Красовский

Е. М. ФЕОКТИСТОВ. — *За кулисами политики и литературы* (1848—1896), редакция и примечания Ю. Г. Оксмана, вводные статьи А. Е. Пресникова и Ю. Г. Оксмана. «Прибой», Ленинград, 1929 г., стр. 28—427, цена 3 р. 50 к.

Имя Феоктистова, многолетнего «начальника управления по делам печати» (1883—1896 гг.), довольно часто мелькает в литературных мемуарах и переписках, относящихся к последней четверти прошлого столетия. Отныне, с изданием собственных мемуаров Феоктистова, это имя, бывшее до сих пор не больше как одиозным символом, наполняется для читателя конкретным содержанием, раскрываясь в небезынтересный и довольно красочный портрет.

Нужно, впрочем, сказать, что мемуары Феоктистова, в отличие от многих иных, отнюдь не грешат излишним автобио-

графизмом. Не будучи первостепенной государственной фигурой, мемуарист имел достаточно такта, чтобы не слишком занимать потомство своею персоной. Почти не касаясь того, что называется «личной жизнью», он оставляет в тени даже свою эволюцию, в результате которой бывший восторженный слушатель Грановского, короткий приятель Тургенева и Боткина, чуть не замешанный в дело петрашевцев и т. д., превратился постепенно в правоверного катковца, трудно переживавшего либеральную «диктатуру сердца» («знам людям известного образа мыслей, приходилось переживать крайне тяжелые дни...»), а в реакционнейшее царствование Александра III призванного на ответственной пост тогдашнего «идеологического фронта» (объективная закономерность этой несколько парадоксальной, но довольно обычной в те времена, метаморфозы прекрасно вскрыта покойным Пресняковым в его вводной статье).

Мемуары Феокистова менее всего эгоцентричны, и все же в сознании читателя выделяется довольно яркий образ мемуариста, носителя обильных сообщений и высказываний о лицах о событиях (в этом и заключается главный интерес книги).

Суждения и оценки Феокистова большей частью резко отрицательны. С этой стороны его мемуары, несмотря на спокойно летописную манеру, представляют из себя в сущности сплошной памфлет, примыкая к той линии желчных и кусательных мемуаров, которую можно вести от знаменитых «записок» Вигеля. Характерно, что Феокистов не щадит никого, за исключением своего идейного патрона — Каткова, к личности которого относится с неизменным благоволением. Стрелы его сарказма направлены не только против чужих («Глупый Огарев», о Бакунине — «порядочная скотина», О Некрасове — «этот господин») не только против сановников иного бюрократического лагеря (о Валуеве — «пустой и ничтожный фразер», о Гр. Игнатьеве — «Ноздрев» и «фигляр»), но и против своих, как Дм. Толстой, Победоносцев и другие, — вплоть до высочайших особ: «Нельзя отрицать, что в интеллектуальном отношении государь Алекс. Алекс. представлял собой весьма незначительную величину — плоть уж чересчур преобладала в нем над духом». Очевидно, в этом последнем случае прирожденное противоречие мемуариста оказалось в нем сильнее чувств верноподданнического ращепка.

Если слова «закулисны» нельзя синонимом всего неблагоприятного и неприличного, то заглавную, придуманную мемуарам Феокистова, нельзя отказать в

меткости: едкое перо мемуариста оказалось беспощадным в изображении гнилости того режима, служителем и принципиальным защитником которого он был. Чего стоят сообщения об участии морганатической жены царя в железнодорожном ажиотаже, или о том, как Дм. Милютин (даже Милютин!) послал управлять вновь завоеванной Средней Азией генерала, которого сам же признавал «глупым», или как министр Дм. Толстой, будучи уже совершенной развалиной, «но выходил и не иначе в залу, где ожидали его просители, как с револьвером в кармане».

Быть может, эта сплошная злоречивость феокистовских мемуаров доставит несколько лишних затруднений историку, но если брать мемуары просто как род чтения, то ни для кого не секрет, что подобного рода «злые» мемуары куда интереснее той мемуарной манювщины, образцом которой могут служить не в меру прославленные воспоминания благодушного и бестемпераментного Кони.

Для литературоведов особый интерес должна представить специальная глава, посвященная Тургеневу. Не привнося чего-либо существенно нового в традиционную концепцию личности знаменитого романиста, феокистовская характеристика побивает рекорд язвительности. Убийственна его усмешка над «Аннибаловой клятвой» Тургенева: «Если бы Аннибал, глубоко ненавидя римлян, сидел преспокойно в Карфагене, не предпринимал похода в Италию и не прославился бы там чудесами храбрости в борьбе с своими врагами, то ни для кого не было бы интересно, клялся ли он погубить их или нет».

Высокий интерес представляет суждение Феокистова по поводу прославленной «объективности» Тургенева как художника: «Возьмите Рудина, Базарова и других выведенных им героев и вы затруднитесь, конечно, отвечать, преклонялся ли он перед ними или хотел заклеить их сатирой. Объясняется это вовсе не мнимой объективностью его взглядов, — нет, разгадка заключается в том, что при шаткости своих политических убеждений он сам недоумевал, как следует ему подойти к этим типам» (25 стр.).

Смолоду вращавшийся среди литераторов, а на старости лет приставленный надзирать за благонадежностью их продукции, Феокистов сам таил в себе незаурядное литературное дарование, хотя, быть может, и не подозревал этого. «Талантливый писатель, — пишет он в одном месте, — изобразит, быть может, когда-нибудь тип генерал-адъютанта». А между тем, он сам оказался этим писателем так как тут же вслед за этими

словами набросал превосходный сатирический очерк этого типа.

Хороший и складный язык, умение плавно и занимательно рассказывать, кстати рассказанный анекдот или удачно приведенная чья-нибудь острота (чаще всего, Тютчевская), — все это делает рецензируемые мемуары интересной и значительной книгой, независимо от их чисто исторической значимости.

Примечания обильны и обстоятельны.

Н. Прянишников

Журналы о которых не пишу.

Рукописные журналы пользуются большой популярностью в современном школьном быту. В повести Белых и Пантелеева «Республика Шкид» говорится о том, что литературная «эпидемия», охватившая школу им. Достоевского, дошла до того, что в ней одно время издавалось до шестидесяти рукописных журналов. В одном из докладов Ленинградского облоно указывалось на то, что почти все ленинградские школы II ступени издают свои рукописные литературные журналы.

Что же представляет собой современная школьная литература, изготавливаемая писателями и поэтами-школьниками для своего внутрискольного употребления? Какие темы затрагивают школьники в своих произведениях, какие мысли волнуют их юные головы?

На этот вопрос, пожалуй, никто не может ответить. Ни школьные, ни литературные организации не занимаются сбором и изучением школьных журналов. О школьной литературе не принято ни говорить, ни писать. Все считают, что школьные журналы — это просто детская забава; все относится к ним несерьезно.

Однако школьные журналы существуют, и то, что является их содержанием, вызывает самую настоящую тревогу и заставляет серьезно подумать об их дальнейшей судьбе.

В нашем распоряжении имеется ряд рукописных школьных журналов: «Рассвет», «Рост», «На заре», «Заветы», «Спектр» и др., — изданный некоторыми ленинградскими школами II ступени.

Один только внешний вид этих журналов уже заставляет задуматься. Внешнее их оформление относит нас в «славные» времена «Нивы», «Родины» и «Пробуждения». Слащавые виньетки из цветочных гирлянд, заставки в виде обязательно прелестных женских головок и даже амурчиков с крылышками пестрят на каждой странице.

Обложки журналов по своим заимствованиям несколько отделяются от «Нивы» и «Пробуждения», приближаясь скорее к туманным обложкам ранних символистов.

Здесь и атланты, поддерживающие земной шар, и закутанные до пят в плащи и туники загадочные безликие фигуры под Беклина, и восходящее солнце, на встречу которому идет полуобнаженная девушка, и другие рисунки, полные неясных символов и расплывчатых намеков.

Просматривая эти журналы, видишь, что современные сюжеты проходят мимо школьных художников. Как темы, так и их оформление являются заимствованием из имеющихся под руками комплектов журналов дореволюционных годов.

Содержание журналов аналогично их внешнему оформлению. Три четверти всего материала занимают лирические стихи. С формальной стороны они очень низки по качеству; но это неудивительно. Все эти стихи — только учеба, а частично, может быть, и «первая проба пера». Так что эта сторона школьного творчества не должна никого беспокоить.

Гораздо важнее и тревожнее другое — тематика, над которой работают школьные поэты. В целом ряде их произведений мы наталкиваемся на такие мысли и настроения, которым уже давным-давно объявила беспощадную борьбу вся наша общественность. На страницах школьных журналов махровым цветом распускаются великодержавные российские тенденции, нездоровый эротизм, граничащий почти с порнографией, крайний индивидуализм и вытекающие из него антиобщественные и упадочные настроения. Чтобы не быть голословным, приведем несколько примеров.

Автор, скрывающий себя под маской не совсем удачного псевдонима «Пьеро», в журнале «Рассвет» (102 сов. школа) пишет в стихотворении, увенчанном тремя звездочками:

«Я в России родился русским
И я твердо помню о том.
Ни английским и ни французским
Никогда я не стану рабом...»

Это, конечно, хорошо, что молодой автор не собирается быть ни английским, ни французским рабом. Однако он не считает ни англичан, ни французов за равных себе. Его стихотворение заканчивается следующими характерными строчками:

«Никогда не поймут друг друга
Англичанин и славянин...»

Спрашивается: откуда завелись у юноги автора такие англофобские и славянофильские тенденции? Ясно, что все это навеяно со стороны. Может быть, домашние влияния, а может быть, и усилия затесавшегося в число школьных педагогов реакционера, который, пользуясь своим учительским авторитетом, вкладывает в неустойчивые мозги своих вос-